

ЭПИТЕТЫ В АБХАЗСКОМ НАРТСКОМ ЭПОСЕ

З. Д. Джапуа

В настоящей статье проводится подробный анализ всего комплекса определительных сочетаний, основных разновидностей и характерных особенностей эпитетов в абхазском нартском эпосе. Работа продолжает, отчасти привлекает, существенно дополняет и на основе тотального просмотра большого числа новых материалов во многом дорабатывает ранние мои разыскания в области поэтико-стилевой системы абхазских нартских сказаний. Предметом исследования являются почти 1000 сказаний со множеством вариантов, которые будут представлены в академическом издании текстов абхазского нартского эпоса в восьми томах (составитель и редактор З.Д. Джапуа). Чтобы выявить наиболее полную картину системы определительных сочетаний в каждой разновидности эпитетов, по возможности, выделяются основные определяемые слова, которые сопровождают тот или иной эпитет, по следующим сферам: 1) эпические герои; 2) противники эпических героев; 3) эпический ландшафт; 4) эпическая фауна; 5) эпический предметный мир; 6) эпические понятия. Для достижения исключительной точности мы все абхазские примеры переводим дословно, без изменения конструкции словосочетания, хотя в известной степени это и противоречит нормам русского языка. Заметим еще, что в зависимости от того, с каким понятием сочетаются эпитеты, переводы одного и того же определения могут различаться. Здесь же отметим, что в переводе примеры не всегда адекватны оригиналу и не могут передать всего его своеобразия. Отчасти поэтому мы приводим примеры как на языке оригинала, так и в переводе на русский язык. Исследование выяснило, что основное свойство эпитетов абхазского нартского эпоса – это выразительно-оценочный момент, характеристика героической сущности эпического адресата. Эта особенность настолько значительна, что даже эпитеты, называющие реальные качества эпических объектов, часто приобретают метафорическую окраску; в этом и проявляется гиперболическая основа определительных сочетаний абхазского нартского эпоса.

Ключевые слова: абхазский нартский эпос, эпитеты, определительные сочетания, оценочные эпитеты, цветочные эпитеты, развернутые эпитеты, постоянные эпитеты.

По классическому определению А.Н. Веселовского, сделанному 125 лет назад, «эпитет – одностороннее определение слова, либо подновляющее его нарицательное значение, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета» [1, 509].

Обращаясь к анализу эпитетов в нартском эпосе абхазов, необходимо оговорить некоторые грамматические принципы. Прежде всего следует сказать о формальном грамматическом сходстве в абхазском языке имени существительного и прилагательного – их можно различать лишь по семантике и позиции в контек-

сте. Любое качественное прилагательное – по форме то же имя существительное, принимает все категории и формы существительного, и поэтому (в зависимости от позиции в контексте) может выступать в роли существительного. Также и любое относительное прилагательное – это то же существительное в позиции прилагательного с суффиксами *-тә(ы)*, *-тәи*. Любое имя (существительное, прилагательное и т.д.) легко может принимать глагольную форму и все глагольные формообразования в силу того, что все эпитеты в глагольной форме образованы от основы прилагательных или, вернее, от слов, имеющих позицию прилагатель-

ного¹. Эти особенности грамматической природы абхазского языка, естественно, характерны и для поэтической лексики нартского эпоса. В эпической речи эпитеты могут употребляться в различных словоформах: в конструкции превосходной степени, в двойственном или множественном числе, в притяжательной форме, в различных глагольных формах.

Эпитеты абхазского нартского эпоса семантически и функционально можно разделить на следующие разновидности: 1) эпитеты, указывающие на размер субъектов и объектов эпического мира; 2) оценочные эпитеты; 3) цветные эпитеты; 4) эпитеты, указывающие на материал, из которого сделан тот или иной предмет; 5) «описательные» эпитеты; 6) удвоенные эпитеты; 7) постоянные эпитеты.

Эпитеты, указывающие на размер субъектов и объектов эпического мира

Среди эпитетов, указывающих на размер эпического персонажа и других координат эпического мира, по частоте употребления особо выделяется эпитет *большой (адыу)*, который выражается качественным прилагательным и постоянно следует после определяемого слова. По самым предварительным подсчетам, в подготовленном к изданию и уже упоминаемом нами восьмитомнике текстов абхазского нартского эпоса эпитет *большой (адыу)* встречается более 1000 раз. Как справедливо заметил Ш.Х. Салакая, его следует считать весьма характерным явлением для нартского эпоса абхазов [3, 161]. Он характеризует эпических героев, противников эпических героев, эпический ландшафт, эпическую фауну, эпический предметный мир, эпические понятия. Обратимся к примерам.

Эпические герои: *нартаа дыуқда* – нарты великие [4, №74]; *Иарчхьоу дыузза* – Иарчхьоу величайший [4, №70]; *уаа нырҳара-дыуқдак* – некие люди высоко-росло-большие [4, №560]; *аныкэаа дыу*

– путник большой [4, №436]; *ашэарыцаа дыу* – охотник большой [4, №846]; *ахьча цэыцэ-дыу* – пастух возомнившие-большой [4, №3].

Противники эпических героев:

агэылышап дыу – дракон большой [4, №362]; *дау дыук* – великан большой [4, №126]; *мацдыуззак* – змея огромная [4, №260].

Эпический ландшафт:

Аңсны дыу – Абхазия большая [4, №183]; *қытаа дыуззак* – деревня огромная [4, №890]; *ахра / абахэ дыу* – скала большая [4, №141, 158]; *аңаа / аңкьара дыу* – обрыв большой [4, №133, 371]; *ахэ дыу* – холм большой [4, №390]; *ашьха дыу* – гора большая [4, №165]; *бна дыук* – лес большой [4, №39]; *аңсара дыу* – сосновая роща большая [4, №39]; *аҳаң-дыу* – пещера большая [4, №258]; *аңста / аахаа дыу* – ущелье большое [4, №395, 729]; *аккара дыу* – роща большая [4, №177]; *дэ-дыук* – поле большое [4, №20]; *аз дыу* – река большая [4, №322]; *атыша / агэааа дыу* – пропасть большая [4, №391, 728]; *ңсабара дыук* – природа большая [4, №263]; *адыунеи дыук* – вселенная большая [4, №272]; *ақэара дыук* – берег большой [4, №263]; *асакара дыу* – степь большая [4, №251]; *тэарта дыук* – покос большой [4, №257]; *ажра дыу* – ров большой [4, №508]; *аңець дыу* – колодец большой [4, №524]; *змышь дыуззак* – заводь огромная [4, №125]; *азтач дыу* – озеро большое [4, №132]; *Кэбина аз дыу* – Кубина река большая [4, №147]; *арвааш дыу* – поток большой [4, №152]; *мышын дыук* – море большое [4, №308]; *аҳааш дыу* – впадина большая [4, №172]; *ехыбаа дыук* – конский череп большой [4, №312].

Эпическая фауна: *аб дыук* – тур большой [4, №456]; *ацэ дыузза* – олень огромный [4, №483]; *амшэ дыу* – медведь большой [4, №462]; *ала дыу* – собака большая [4, №296]; *арахэ дыу* – скот большой [4, №789]; *уарбажэ дыук* – орел большой [4, №263]; *агауарба дыу* – орлан большой [4, №262]; *ңсаатэ дыук* – птица большая [4, №280]; *ае дыу* – конь большой [4, №160].

Эпический предметный мир: *еиха дыук* – железо большое [4, № 133]; *абаа дыу* – крепость большая [4, № 713]; *ахан дыузза* – дворец огромный [4, № 669]; *нартаа рыан дыу* – нартов дом большой [4, № 331]; *нартаа раишта дыу* – нартов двор большой [4, № 200]; *абааггара дыузза* – крепостная ограда огромная [4, №880]; *аггыблаа дыу* – миска большая [4, №312]; *аггаишэ дыу* – ворота большие [4, №584]; *дарды дыук* – веретено большое [4, №103]; *дардха дыук* – прясло большое [4, № 103]; *хацакь дыук* – каменный утес большой [4, №174]; *лауы гвезь-дыук* – жернов кругло-большой [4, №103]; *иайжаа дыук* – звезда большая [4, №181]; *кэыстахы дыук* – головня большая [4, №159]; *кэыцха дыук* – плетеная корзина большая [4, №254]; *ақааб / ачуандыу* – котел большой [4, №131, 140]; *луасахэ хаера-дыу* – ее овечьей шерсти моток большой [4, №35]; *амца дыу* – костер большой [4, №180]; *кэышц дыук* – искра большая [4, №129]; *нартаа зегь зықатэоз асқам дыу* – нарты все куда садились скамья большая [4, №388]; *ахахэ дыу* – камень большой [4, №2]; *ахэа дыук* – сабля большая [4, №262]; *акама дыу* – кинжал большй [4, №724]; *ақырста дыу* – балка большая [4, №391]; *ацха дыу* – мост большой [4, №726]; *айла дыу* – дерево большое [4, №251]; *аехарқарта дыу* – коновязь большая [4, №724]; *ашэ дыу* – дверь большая [4, №160]; *ахаңшыа дыу* – амфора большая [4, №102].

Эпические понятия: *даш дыук* – жила большая [4, №154]; *адоуха дыу* – сверхъестественное начало большое [4, №156]; *анашана дыу* – волшебство большое [4, №897]; *адырра дыу* – пророчество большое [4, №242]; *ас дыу* – снег большой [4, №220]; *аңсхэ дыу* – поминки большие [4, №434]; *аимтахаара дыу* – поминальное соревнование большое [4, №446]; *хыыз дыу* – слава большая [4, №810].

В качестве вариантов или версий эпитета *большой (адыу)* для обозначения большого размера эпических координат

встречается много других определений. Например: *высокий (ахарак): абахэ харак* – скала высокая [4, №272], *ашьха харакы* – гора высокая [4, №210], *хэы харакык* – холм высокий [4, №154], *дгьыл харакырак* – земля высокая [4, №226]; *титанический (атариаалқэа): нартаа атариалқэа* – нарты титанические [4, №455]; *гигантский (атъуған): реы тыуғанқэа* – кони гигантские [4, №257]; *далекий / дальний (ахара): адгьыл хара* – земля далекая [4, №259], *амфа хара* – дорога дальняя [4, №309], *шьха харак* – гора далекая [4, №587]; *глубокий (айауыла): атыша йауыла* – пропасть глубокая [4, №391]; *широкий (атбаа): ахэырта тбаақэа* – пастбища широкие [4, №722], *фын тбаа-кьакьак* – дом широко-плоский [4, №448]; *обширный (аиуыжь): адэиуыжь* – поле обширное [4, №590]; *пустынный (асакара): адэы сакара* – поле пустынное [4, №257].

Для выражения семантики эпитета *большой (адыу)* особенно распространены в эпической лексике сравнительно-образные, «описательные» определения и удвоенные эпитеты (см. ниже). Ср.: *иреихау ахра / абахэ* – самая большая скала [4, №173, 175]; *иреихау ашьха* – самая большая гора [4, №881]; *иреихаз ейэак* – самая большая звезда [4, №200]; *иреихаз акэастэа* – самая большая головня [4, №182]; *иреихаз қдык* – самое большое бревно [4, №491]; *иреихау ақааб* – самый большой котел [4, №176]; *иреихау ахахэ дыу* – самый большой камень большой [4, №173]; *быжьра-быжьйэа ижыу ажра* – на семь локтей и семь пядей глубины яма [4, №494]; *йа змазамыз айцеь дыу* – бездонный колодец большой [4, №495]; *Иарчхьюу дыузза дыззымырыз азы* – где Иарчхьюу величайший не смог переплыть реку [4, №70]; *баа дыук ажэван иаларсыз* – крепость большая – до небес [4, №747]; *ацэ-шэкы зкуаз акэыцхақэа* – сто быков вмещавшие плетеные корзины [4, №262]; *өнык иақараз ахахэ* – величиной с дом камень [4, №128]; *шэвык ырызшыштымхуаз ахахэ* – ста человекам не под силу камень

[4, №171]; *Аржэаанаа рыоны иакароу ахахэ* – Аржванов дом размером камень [4, №131]; *зқы-уаса рыласа* – с тысячи овец шерсть [4, №103]; *зыкъ-пхал зкуаз ахапшыа* – тысячу кувшинов вмещавшая амфора [4, №492].

Как видно из примеров, наиболее часто с помощью эпитета *большой (адыу)* и близких к нему по значению определений описываются понятия из сферы предметов и ландшафта эпического мира, тем самым предметные и пространственные реалии абхазского нартского эпоса предстают в неимоверно преувеличенных масштабах. Эти и иные определительные сочетания, встречающиеся в контексте гипербол, сравнений, метафор, традиционных формул, и других художественных средств, свидетельствуют о высокой мере связанности эпитетов с другими явлениями поэтического языка абхазского нартского эпоса.

Следующим эпитетом, показывающим величину эпических персонажей и других эпических реалий, выступает антонимичное к определению *большой (адыу)* – *маленький (ахэычы)*. Он характеризует почти все сферы эпического мира. Ср.: *Сасрыкэа хэыч* – Сасрыкуа маленький [4, №56]; *чкэына хэчык* – мальчик маленький [4, №302]; *азэаб хэчы* – девочка маленькая [4, №683]; *ауао хэычы* – человек маленький [4, №455]; *айан хэычза* – карлик малюсенький [4, №464]; *дэхэыпши хэчык* – полянка маленькая [4, №348]; *акэар хэчы* – речушка маленькая [4, №322]; *амат хэычы* – змея маленькая [4, № 224]; *аеыхэа хэычы* – конь бело-серый маленький [4, №718]; *аейыс хэычы* – жеребенок маленький [4, №47]; *иыке хэычы* – его маленький конь [4, №175]; *кэацэ хэчык* – конусообразный домик маленький [4, №263]; *оын хэчык* – дом маленький [4, №264]; *миа хэчык* – костер маленький [4, №147]; *мпыл хэчык* – мяч маленький [4, №490]; *асқам хэычы* – скамья маленькая [4, №263]; *лахэызба хэыч* – ее ножик маленький [4, №458]; *айэйэа хэычкэа* – ко-

локольчики маленькие [4, №353]; *ашана хэычы* – волшебство маленькое [4, №93].

Эпитет *маленький (ахэычы)* может быть заменен другими словами, синонимичными к нему в контексте нартского эпоса. Ср.: *атэхмада хынчыгэыгэ* – старик махонький [4, №257], *апшы-кэыпши* – рыжий молодой [4, №278], *арпыс кэыпши* – *молодец молодой* [4, №278], *зак икамыз айан* – не дотягивающий до пядей карлик [4, №476], *ауаа сса* – люди мелкие [4, №458], *уаа ссазақэак* – люди мельчайшие [4, №793], *ауаа кьаеқэа* – люди низкие [4, №455], *арашь пшкэа* – араш² младенческий [4, №390], *аласба пшкэақэа* – щенки-младенцы [4, №293].

Если эпитет *большой (адыу)* в нартском эпосе выглядит гиперболическим, «героическим» и доминирующим, то эпитет *маленький (ахэычы)* не столь заметен, не соответствует «идеальному» эпическому миру. Вместе с тем его наличие в эпосе обусловлено определенными свойствами эпического стиля.

Во-первых, при изображении эпического героя или богатырского коня и т. д. сказители по-разному описывают их богатырское детство. Нартский герой, как известно, совершает подвиги уже в юном / даже младенческом возрасте. В эпической традиции «детство героя заканчивается первым подвигом, после которого он вступает на богатырское поприще» [5, 72]. Именно этот «возраст эпической возмужалости» (по О.Ф. Миллеру) и характеризует эпитет *маленький (ахэычы)*: *Сасрыкэа хэыч* – Сасрыкуа маленький [4, №56]. Во-вторых, в сказаниях этот эпитет может иметь иронический, переносный смысл. Например, *мпыл хэчык* – некий мяч маленький [4, №490], который героиня сшила из ста бычьих шкур. Так сказитель стремится подчеркнуть необычайную мощь эпической женщины-богатырши – в данном случае для создания комического эффекта. В-третьих, при изображении реальных внешних черт персонажей, этот эпитет упо-

требуется в уменьшительно-ласкательной, украшающей форме: *аишь-қэыиши* – рыжий молодой [4, №278], *арңыс қэыиши* – юноша молодой [4, №278]. В-четвертых, в характеристике ацанов-карликов эпитет *маленький (ахэычы)* употребляется в своем контрастном значении по отношению к эпитету *большой (адыу)*: *ацан хэычы* – карлик маленький³ [4, №464].

Оценочные эпитеты

В нартском эпосе абхазов оценочные эпитеты представлены очень емко и разнообразно. Самыми распространенными из них являются два синонимичных эпитета – *ужасный (абааңс)* и *страшный (ацэгъа)*. Обратимся к примерам.

Эпические герои: *ауаф бааңсы* – человек ужасный [4, №172]; *ахайа цэгъа* – мужчина страшный [4, №771]; *ауафы цэгъа* – человек страшный [4, №879].

Противники эпических героев: *адауы бааңс* – великан ужасный [4, №240]; *атакэажэ бааңс* – старуха ужасная [4, №242]; *адауы цэгъа* – великан страшный [4, №183].

Эпический ландшафт: *аишьха бааңсы* – гора ужасная [4, №183]; *абна бааңс* – лес ужасный [4, №735]; *адгъыл бааңс* – земля ужасная [4, №282]; *атыша / агъафа бааңс* – пропасть ужасная [4, №255, 390]; *ахапы бааңс* – пещера ужасная [4, №384]; *ахра / абахэ бааңс* – скала ужасная [4, №130, 262]; *зы бааңсык* – река страшная [4, №40]; *хэаиш бааңсык* – впадина ужасная [4, №177]; *кайэара бааңсык* – горный перевал ужасный [4, №241]; *тыфара бааңсык* – берлога ужасная [4, №96]; *атың бааңс* – место ужасное [4, №198]; *ахра цэгъа* – скала страшная [4, №412]; *афхаа цэгъақэа* – ущелья страшные [4, №277]; *арфаш цэгъа* – поток страшный [4, №322]; *дгъыл цэгъак* – земля страшная [4, №195].

Эпическая фауна: *ала бааңсқэа* – собаки ужасные [4, №758]; *е-бааңсык* – конь ужасный [4, №288].

Эпические понятия: *адоуха бааңс*

– сверхъестественное начало ужасное [4, №170]; *асы бааңс* – снег ужасный [4, №197]; *асоура бааңс* – снегопад ужасный [4, №225]; *ақэа бааңс* – дождь ужасный [4, №164]; *ақэоура бааңс* – гроза ужасная [4, №225]; *ақэаршы бааңс* – ливень ужасный [4, №135]; *акырих бааңс* – град ужасный [4, №170]; *ауырт / афыртын бааңс* – буря ужасная [4, №68, 97]; *ахауа бааңс* – воздух ужасный [4, №17]; *амиш цэгъа* – день страшный [4, №17]; *айх цэгъа* – ночь страшная [4, №207]; *ахъта / ачыхь цэгъа* – холод страшный [4, №96, 134]; *айаа цэгъа* – мороз страшный [4, №129]; *асы цэгъа* – снег страшный [4, №199]; *аиша цэгъа* – ветер страшный [4, №136]; *ахауа цэгъа* – воздух страшный [4, №133].

В качестве вариантов или версий эпитетов *ужасный (абааңс)* и *страшный (ацэгъа)* встречается ряд других определений. Например: *дерзкий (амыжда): ахъча-мыжда* – пастух дерзкий [4, №73], *Цэыцэ-мыжда* – Цвицв дерзкий [4, №510], *агдылишьап-мыжда* – дракон дерзкий [4, №264], *адауы-мыжда* – великан дерзкий [4, №142], *Бзоу-мыжда* – Бзоу дерзкий [4, №74], *арашь-мыжда* – аращ дерзкий [4, №48], *Кэбина-мыжда* – Кубина дерзкая [4, №715], *«ахэа»-мыжда* – «стрела» дерзкая [4, №3], *иахэа-мыжда* – сабля дерзкая [4, №145]; *вредный (амцыуры): Зартыжэ мицыуры* – Зартыж вредный [4, №41]; *дерзостный (ахэахша): Уарчхьоу ахэахша* – Уарчхьоу дерзостный [4, №47]; *дерзновенный (апананькэыр): Уарчхьоу апананькэыр* – Уарчхьоу дерзновенный [4, №45], *адгъыл пананькэыр* – земля дерзновенная [4, №282]; *людоед (ауафжыфаф): адауцэа-уафжыфафцэа* – великаны-людоеды [4, №715]; *зловещий (амахагъа): азыжь махагъа* – заводь зловещая [4, №715]; *холодный (ахъиэаишэ): Кэбина хъиэаишэ* – Кубина холодная [4, №73], *азы хъиэаишэ* – река холодная [4, №3]; *быстротечный (агъы): з-гъык* – река быстротечная [4, №710]; *волнистый (ацэқэырца): азы цэқэырца* – река волнистая [4, №3]; *острый (аццыишэ / ацхафыр): ахэа цыишэ* – сабля острая [4,

№56], *иаҳәа цџафыр* – его сабля острая [4, №257]; *труднодоступный (ауадаә)*: *дгьыл уадаәк* – земля труднодоступная [4, №258]; *тяжелый (ахьантџа)*: *амџа хьантџа* – дорога тяжелая [4, №730]; *обрывистый (аџькьара)*: *ахра / абахә-џькьараџь* – скала обрывистая [4, №169, 707]; *чудовищный (акаамет)*: *џан кааметџ* – кобыла чудовищная [4, №52]; *жуткий (аума)*: *џы уомак* – конь жуткий [4, №288]; *грозный (ахьызаман)*: *аџьыкьәа хьызаман* – конь вороной жуткий [4, №759].

Наличивают также сравнительно-образные выражения или удвоенные эпитеты (см. ниже) вместо эпитетов *ужасный (абааџс)* и *страшный (ацџгьа)*: *џша-еицџа џша* – ветра хуже ветер [4, №200], *зълбааџьара-гџаџа бааџсык* – водопадная пропасть ужасная [4, №255], *Кџбина-нырицџ зырахџ зырџуаз хџџа бааџсык* – на том берегу Кубины пасший свой скот мужчина ужасный [4, №35], *аџџаа-аицџа аџџаа* – мороза хуже мороз [4, №156], *сы-еицџа сы* – снега хуже снег [4, №134], *кырицџ-еицџа кырицџ* – града хуже град [4, №200], *ақџа еицџо ақџа* – дождя хуже дождь [4, №217].

По всему видно, что эпитеты *ужасный (абааџс)*, *страшный (ацџгьа)* наиболее устойчиво прикрепляются к эпическим понятиям и ландшафту, реже они сопровождают другие эпические объекты, а эпические предметы вовсе не характеризуют. Сказители пользуются ими для изображения степени опасности, непреодолимости и неосвоенности пространства (частей эпического мира), природных и иных явлений, в пределах которых пребывают эпические герои, совершая свои героические деяния с целью добывания различных культурных и иных благ.

К часто употребляемым в абхазском нартском эпосе эпитетам относятся оценочные определения *герой / небесный герой (ахџџа / афьрхџџа)*, *сильный / сильнейший (агџгџа / агџгџаза)*. Ср.: *Нарџь-хьоу-хџџа* – Нарджьхьоу-герой [4, №196]; *аныкџаә-хџџа* – путник-герой [4, №445];

ахьча-фьрхџџа – пастух-небесный герой [4, №93]; *Сасрыкџа-хџџа* – Сасрыкуа-герой [4, №76]; *Сасрыкџа афьрхџџа* – Сасрыкуа небесный герой [4, №200]; *арџыс-хџџа* – молодец-герой [4, №76]; *Аиргь-рхџџа* – Аиргов герой [4, №280]; *аџьсуа хџџак* – абхаз герой [4, №284]; *Хџажџарџыс-хџџа* – Хуажарџыс-герой [4, №556]; *Ачаи-иџа Чамаз-хџџа* – Ачая сын Чамаз-герой [4, №765]; *цкџына-фьрхџџак* – юноша – небесный герой [4, №93]; *ныкџаә гџгџак* – путник сильный [4, №392]; *ауаџы гџгџа* – человек сильный [4, №652]; *џыуаә гџгџак* – всадник сильный [4, №590]; *ахџџа гџгџа* – мужчина сильный [4, №579]; *хџџа гџгџазак* – мужчина сильнейший [4, №589]; *зы гџгџак* – река сильная [4, №38]; *џы гџгџак* – конь сильный [4, №162]; *аџьы гџгџаџџкџа* – конь сильнейший [4, №117]; *хџыц гџгџак* – волос сильный [4, №322], *аџџа гџгџа* – мороз сильный [4, №132]; *аиџа фьрхџџа* – песня героическая [4, №93], *адоуха гџгџа* – сверхъестественное начало сильное [4, №500], *ахьџа гџгџа* – холод сильный [4, №274], *асы гџгџаза* – снег сильный [4, №125], *асы гџгџаза* – снег сильнейший [4, №125], *ақџа гџгџа* – дождь сильный [4, №164].

Встречаются и такие варианты – образные выражения данных эпитетов или их удвоение: *храбрый (агьџеә)*: *ауаә гьџеә* – человек храбрый [4, №487]; *безбоязненный (агџымшџа)*: *Сасрыкџа агџымшџа* – Сасрыкуа безбоязненный [4, №358]; *неустршимый (агџымџа)*: *Сасрыкџа агџымџа* – Сасрыкуа неустршимый [4, №427]; *арашь (арашь)*: *Бзоу-рашь* – Бзоу-ращ [4, №283], *арашь-џьыс* – аращ-жеребец [4, №52]; *резвый (аиџамха)*: *Бзоу-еиџамха* – Бзоу резвый [4, №200]; *неистовый (амаркаџа)*: *аџьы-маркаџа Нардыиа* – конь-неистовый Нардыиа [4, №93], *арашь-маркаџа* – богатырский конь неистовый [4, №74]; *Сасрыкџа аџьсуа хџџа* – Сасрыкуа абхазский герой [4, №338], *абырфьн жакџа Сасрыкџа-хџџа* – шелковобородый Сасрыкуа-герой [4, №424], *ахџџа гџгџа-еибытџа* – мужчина сильный собранный [4, №509],

арашь-цыркъа аеы – из арашей (богатырских коней) породы конь [4, №195].

В данный ряд оценочных эпитетов входят и другие встречающиеся в эпосе «видовые эпитеты» (по А.Н. Веселовскому), указывающие на относительный признак эпических субъектов и объектов. Их своеобразие заключается в том, что они указывают на принадлежность, на относительный видовой признак. Образуется настоящие эпитеты не прилагательными, а существительными, которые в эпическом повествовании занимают позицию прилагательных, но не принимают их форму: *нарт чкэын* (*нартский юноша*), но не *нарт-тэ чкэын*.

Среди этих определительных слов по частотности употребления наиболее заметен эпический этноним, постоянный эпитет *нарт* (*нарт*) (см. ниже) – общее название нартского рода (нартских богатырей) во всех основных версиях эпоса. Кроме того, он выступает в качестве эпитета и в сочетании с различными собственными мужскими именами (*Нарт Сасрыкэа* – *Нарт Сасрыкуа*). В повествовательном эпическом стиле эпитет *нарт* (*нарт*) предстает родовым именем, как бы фамилией эпических героев. В функции эпитета термин *нарт* (*нарт*) по смыслу совпадает со словом *герой* (*ахайа*). Первый вариант (*нарт* – *нарт*) неизменно встречается перед определяемым именем, а второй (*герой* – *ахайа*) – после определяемого слова (см. ниже). *Нарт* сопровождает имена более 60 персонажей, абсолютное большинство из которых составляет *Нарт Сасрыкуа* – *Нарт Сасрыкэа* [4, №12] с некоторыми вариациями (общее число появлений в наших текстах, входящих в восьмитомное собрание, – до 300). Так же, как и *нарт* (*нарт*) в нартских сказаниях, к именам карликов в качестве постоянного эпитета присоединяется название мифа о карликах – мифологический этноним *ацан* (*айан*). Но если в определительных сочетаниях *нарт* (*нарт*) означает *герой*

(*ахайа*), то *ацан* (*айан*) употребляется для выражения облика маленького человека: *Цаны Хасан* – Цаны Хасан [4, №465], *Цаны Хачыр* – Цаны Хачир [4, №478]; а имя потомка эпического племени Мылхызовых складывается из патронимии и слова *юноша* (*сын*): *Аелдыз-чкэын* – Аелдызовых-сын [4, №728], *Амылхэыз-чкэын* – Мылхызовых-сын [4, №394], *Тхаихэыз-чкэын* – Тхаихузовых-сын [4, №746].

Еще целый ряд других эпитетов определяет в нартском эпосе видовые признаки, основные координаты эпических персонажей, эпического ландшафта и предметного мира. Ср.: *нарт-жыыи* – нарт-кузнец [4, №157], *абша жыыи* – по меду кузнец [4, №50], *Аиргы рхацаа* – Аиргов герои [4, №257], *адауы-цагэафы* – великан-пахарь [4, №331], *Шьашэ-рарбагъ* – Щашвовых⁴-петух [4, №181], *амшын еан* – морская кобыла [4, №52], *акрым-ежаа* – крымские кони [4, №760], *нартчаа ркыта* – нарт-деревня [4, №518], *Сасрыкэа итэыла* – Сасрыкуа страна [4, №265], *аңсуа шьха* – абхазская гора [4, №692], *нартчаа рбаа* – нарт-крепость [4, №42], *ахаңы оны* – пещерный дом [4, №363], *аңсуа-жъ* – абхазский виноград [4, №458], *нартчаа рымца* – нарт-костер [4, №492], *Аиргы рлабашья* – Аиргов посох [4, №780], *Сасрыкэа ицха* – Сасрыкуа мост [4, №713], *ахышь-цэцэақэа* – ястребиные колокольчики [4, №348], *афрангъ ахэа* – из франкской стали сабля [4, №507].

Такие эпитеты-«существительные» могут определять: героические качества персонажей, видовой признак нартских животных, различные относительные свойства эпического ландшафта и предметного мира. Подчас подобные сочетания употребляются для выражения необыкновенных, редких качеств персонажей и эпических предметов.

В абхазском нартском эпосе также наличествуют субъективно-оценочные эпитеты с эмоционально-ласкательным и негативным, уничижительным значением, употребляемые в прямой и косвен-

ной речи при характеристике эпических героев и их противников.

Ср. эмоционально-ласкательные эпитеты: *Гэашьа-хэаша* – Гуаща бедная [4, №73], *Гэашьа рыцха* – Гуаща жалкая [4, №102], *Сасрыкэа гэыцшкэа* – Сасрыкуа мягкосердечный [4, №427], *Сасрыкэа-мыжда* – Сасрыкуа несчастный [4, №271], *Сасрыкэа-хэаша* – Сасрыкуа бедный [4, №374], *Сасрыкэа рыцха* – Сасрыкуа жалкий [4, №48], *сыхэшыц-зайэ Сасрыкэа* – мой единственный Сасрыкуа [4, №272], *Гэында цшкэа* – Гунда нежная [4, №624], *Гэында-хэаша* – Гунда бедная [4, №954], *Таисхана рыцха* – Таисхана жалкая [4, №714], *Таисхана-мыжда* – Таисхана несчастная [4, №714], *адауыжэ рыцха* – великан жалкий [4, №179], *Гыдаз рыцха* – Гидаз жалкий [4, №349].

Ср. эпитеты с негативным значением: *Зартыжэ ақамсажэ* – Зартыж лохматый [4, №257], *абнауафы Арцыхьюу* – дикарь Арджхьюу [4, №229], *Нарцыхьюу-еада* – Нарджхьюу-осел [4, №101], *Нарцыхьюу-гэыкэха* – Нарджхьюу несчастный [4, №242], *айан ччыиақэа* – карлики ничтожные [4, №458], *айан рыцха* – карлики жалкие [4, №472], *айаныжэқэа* – карлики негожие [4, №513], *айан ччыиақэа рахэшыа* – карликов ничтожных сестра [4, №463], *айанажэқэа ртыцха* – карликов негожих дочь [4, №513], *айан ртыцха цэыгь* – карликов дочь паршивая [4, №505], *анарт рах Хмышьыжэ* – нартов царь Хмыщ негожий [4, №471], *айан йабыйасса* – карлики мелкотные [4, №473], *арас иықэланы иказэо айабыйассақэа* – на папоротник взобравшиеся обрезающие его карлики мелкотные [4, №487], *айан цэыиккэа* – карлики паршивые [4, №462], *анаицна Сасрыкэа* – метис Сасрыкуа [4, №406], *аницна ччыиа* – метис ничтожный [4, №406], *ахэычы-наицна* – ребенок-метис [4, №166], *аңсуа ччыиа* – абхаз ничтожный [4, №128], *уафы ччыиак* – человек ничтожный [4, №338], *Хэажэарцыс цэыиккэы* – Хуажарпыс паршивый [4, №47], *Нарцыхьюу цырпайажэ* – Нарджхьюу стальноусый

негожий [4, №601], *нартаа агэаважэқэа* – нарты пусто-негожие [4, №470], *нарта-ажэ гэаваараа* – нарты негожие пустые [4, №470], *агэылышван цэыришагақэа* – драконы-страшилища [4, №365], *ацьныш цсымтэқэа* – дьяволы ненасытные [4, №424], *аеы ччыиа* – конь ничтожный [4, №152], *иызлагара еы* – его мельничный конь [4, №183], *агэыжэ абаак* – мулл худой [4, №747], *аеан-абаа* – кобыла худая [4, №744], *Ариан баа* – Ариан сгнивший [4, №45], *уахэа кьачала* – твоей саблей точной [4, №134], *иахэа кьафэкэыкэ* – его сабля крошечная [4, №257], *уахэа ччыиа* – твоя сабля ничтожная [4, №140].

Можно сказать, что вышеприведенные эпитеты являются сравнительно-метафорическими и сопровождают, с одной стороны, описания эмоциональных сопереживаний, а с другой – описания отрицательных эмоций пренебрежения.

В лексике абхазского нартского эпоса определенное место занимает оценочный эпитет *хороший* (абзыиа), который выражается качественным прилагательным. Ср.: *ахайа бзыиа* – мужчина хороший [4, №447], *арцыс бзыиа* – молодец хороший [4, №437], *ныкэа бзыиак* – путник хороший [4, №436], *нхаф бзыиак* – крестьянин хороший [4, №440], *арашь бзыиа* – арац хороший [4, №98], *аеы бзыиа* – конь хороший [4, №287], *аеы бзыиаза* – конь очень хороший [4, №235], *аеыжэла бзыиақэа* – порода коней хорошая [4, №154], *лаша бзыиак* – мерин хороший [4, №343], *ала бзыиа* – собака хорошая [4, №47], *зыхь бзыиазак* – родник очень хороший [4, №272], *ахахэ бзыиақэа* – камни хорошие [4, №559]. Подчас этот эпитет может заменяться словами, близкими к нему по значению: *арцыс шыахэ* – молодец замечательный [4, №585], *арцыс еикэшэа* – молодец собранный [4, №778].

Как видно, эпитет *хороший* (абзыиа) сочетается со словами *герой*, *мужчина* (ахайа), *молодец* (арцыс) и *конь* (аеы) чаще, чем с другими понятиями.

Эпитеты, указывающие на материал, из которого сделан тот или иной предмет

Эпитеты, указывающие на материал, из которого сделан тот или иной предмет, в абхазском нартском эпосе многочисленны, выражаются преимущественно относительными прилагательными и занимают позицию перед определяемым понятием.

К ним относятся, например, следующие прилагательные-определения: *каменный* (*ахахэтэ / аха / абаатэы*): *ахахэтэ гэара* – каменная ограда [4, №655], *ахахэтэ армыз* – каменная скамья [4, №624], *ахацакьа* – каменный утес [4, №4], *ахахэ цакьа* – каменный утес [4, №20], *ахахэ цха* – каменный мост [4, №712], *абаатэы оны* – каменный дом [4, №578], *нартаа рбаагэара* – нартов каменная ограда [4, №584], *ахахэ-са* – каменный меч [4, №630]; *железный* (*аихатэы*): *аихатэ гэара* – железная ограда [4, №523], *аихатэ гара* – железная колыбель [4, №100], *аихатэы цьам* – железная миска [4, №42], *аихатэ гэашэ* – железные ворота [4, №278], *аихатэ агэра* – железная уздечка [4, №47], *аихатэы кэадыргьы* – железное седло [4, №4], *аихатэы сқам* – железная скамья [4, №142], *аихатэ кэардэ* – железный стул [4, №238], *еиха гэгьргылк* – железный обруч [4, №587], *аихатэ хэыблы* – железный чердак [4, №4], *аихатэы хэа* – железный наконечник стрелы [4, №585], *аихатэы цха* – железный мост [4, №275], *аихатэы чхарцартэ* – железная коновязь [4, №581], *аихатэ гэашьа* – железная опора [4, №670]; *золотой* (*ахьтэы*): *Гэашьа ахьышваргэыйца* – Гуаца с золотой ступней [4, №42], *ахьы-цсха-цшза* – золотая владычица-красавица [4, №3]; *ахьтэ гара* – золотая колыбель [4, №194], *ахьтэы гэгьгым* – золотой кувшин [4, №717], *ахьтэы уардын* – золотая арба [4, №707], *ахьтэы мацэаз* – золотое кольцо [4, №716], *ахьтэы сқам* – золотая скамья [4, №629], *ахьтэы рымз* – золотая скамья [4, №585], *ахьтэы кэардэ* – золотой стул [4, №578], *ахьтэы йла* – золотое дерево [4,

№252]; *медный* (*абџатэы*): *абџатэ уадыхэ* – медный обруч [4, №590], *абџатэ йгьымыз* – медный гвоздь [4, №584], *абџатэы цха* – медный мост [4, №723]; *бронзовый* (*ацьаз*): *ацьаз йгьйжақэа* – бронзовые колокольчики [4, №172]; *стальной* (*ацьыртэ*): *ацьыртэ гар* – стальная колыбель [4, №102], *ацьырцэа* – стальные усы [4, №278]; *стеклянный / хрустальный* (*асаркьатэ*): *асаркьатэ уацах* – стеклянная комната [4, №717], *ацэца-баа* – хрустальная крепость [4, №644]; *анчарный* (*ачбартэ*): *ачбартэ камчы* – анчарная плетть [4, №293], *ачбартэ камчхэы* – анчарное кнутовище [4, №292]; *ореховый* (*аратэы*): *аратэы ашэ* – ореховая дверь [4, №809]; *шелковый* (*абырфынтэ*): *абырфын жакьа* – шелковая борода [4, №424]; *рододендроновый* (*ахэажэтэ*): *ахэажэ быца* – рододендроновый хворост [4, №555].

Эти эпитеты характеризуют объекты конкретного пространственного и, прежде всего, предметного фона. Реже такие определения относятся к деталям внешности эпических персонажей – Сатаней-Гуащи (*ахьышваргэыйца* – золотая ступня [4, №42], *ахьы-цсха-цшза* – золотая владычица-красавица [4, №3]; Сасрыкуа (*абырфын жакьа* – шелковая борода [4, №424]; Нарчхьоу (*ацьырцэа* – со стальными усами [4, №278]). В данном случае, как видно, эпитеты *золотой*, *шелковый*, *стальной* – метафорические уподобления, идеализирующие определяемые понятия.

Основная художественная функция, более того, художественная суть анализируемых эпитетов – это выделение не только реальных качеств предметов, но и их необычных свойств (прочность, долговечность, красота и т. д.). Иначе говоря, вместе с характеристикой эпических предметов с их практической стороны названные эпитеты подчеркивают и их идеальные, необычные свойства, обусловленные природой самого нартского мира. Более того, в некоторых определенных сочетаниях оценочный момент

порой превалирует над фактическими признаками определяемого понятия.

Цветовые эпитеты

Цветовая гамма в абхазском нартском эпосе не отличается многообразием. Основные цвета – *белый*⁵ (*ашкэакэа*) и *черный* (*аиқзайда*) – характеризуются качественными прилагательными. Они указывают на реальные и метафорические качества персонажей и других эпических объектов.

Обратимся к примерам.

Эпитет *белый* (*ашкэакэа*) с синонимами или близкими к нему по значению определениями – *седой* / *светлый* / *сияющий* (*ашла* / *алаша* / *ашеишеи* / *алашара* / *алашарбага* / *аха* / *акэаи*): *уафы шкэакэак* – человек белый [4, №511], *уафы илак* – человек седой [4, №590], *агызь шкэакэа* – баран белый [4, №716], *аеыхэа* – конь бело-серый [4, №195], *ахахэ шкэакэа* – камень белый [4, №93], *ахахэиш* – камень белый [4, №621], *ахахэ кэаиш* – камень нежно-белый [4, №93], *анартқэа рбааш* – нарттов крепость белая [4, №649], *мца-лашара* – костер-свет [4, №161], *лнацэкьыс алашара* – ее мизинца свет [4, №712]. Ср. образные выражения: *Асаныи-афаша* – Асаныи-белолобый [4, №617], *аблаш-хыбла* – белоглазо-золотоглазый [4, №797] и прозвище *Бжеиқэа-Бжаишла* – Получерный-Полуседой [4, №494].

Эпитет *черный* (*аиқзайда*) с синонимами или близкими к нему по значению определениями – *смуглый* / *вороной* / *темный* / *мрачный* (*аиқэа* / *аиқэара* / *атоура* / *агылашыца*): *ауаф еиқэа* – человек смуглый [4, №380], *амат еиқзайда* – змея черная [4, №591], *лахэа еиқзайдак* – ворон черный [4, №412], *агызь еиқзайда* – баран черный [4, №716], *аеиқэа* – конь вороной [4, №171], *бна тоурак* – лес темный [4, №257], *хахэ еиқзайдаи* – камень черный [4, №93].

В цветосветовой характеристике эпических реалий также встречаются эпи-

теты: *красный* / *рыжий* / *гнедой* (*ақаишь* / *аишь* / *аз*): *амат қаишьқэа* – змеи красные [4, №624], *аишьа аматқаишь* – горная змея рыжая [4, №596], *аеыиз* – конь гнедой [4, №495], *адэы қаишь* – поле красное [4, №963], *йда қаишьк* – яблоня красная [4, №254]; *зеленый* (*аиайда*): *реы иайдақэа* – зеленые кони [4, №897]; *светло-серый* (*аларць*): *аеларць* – конь светло-серый [4, №114]; *пегий* (*агэра*): *аеыгэра* – конь пегий [4, №352]; *желтый* (*афеижь*): *ахра феижь* – скала желтая [4, №288].

Своеобразие синонимов эпитета *белый* – *светлый* / *сияющий* / *свет* (*алаша* / *ашеишеи* / *алашара*) в сочетании с женскими именами выражается в том, что наряду с другими качествами они воссоздают невероятную красоту эпической героини, ее идеальный облик, необычную внешность: *Гэашья-лаша* – Гуаца-светлая [4, №73], *Гэында-шеишеи* – Гунда-светящая [4, №668], *аңхэыс лаша* – женщина светлая [4, №73], *лнацэкьыс алашара* – ее мизинца свет [4, №720]. Изучая эпитеты древнескандинавской «Эдды», Е.М. Мелетинский отметил «исконное понимание “белого” как “светлого”, может быть, связанного с особым магическим излучением» [8, 119]. Мотив освещения пространства своим *белым* / *светлым* телом и руками в ряде традиций и в образе матери нарттов Сатаней ученый связывает «с представлением о солнечном свете» [8, 117]. В этом отношении весьма характерны примеры из абхазского нартского эпоса. Ср., в частности, некоторые удвоенные эпитеты и образные описания: *мрада-мзада икачца-каңхоз Сатани-Гэашья* – без солнца и луны сияющая и светящая Сатани-Гуаца [4, №727]; *Аинар ртыңха ацэымза* – Аинаров дочь – лучина [4, №615]; *еиқэаңха-еиқэаңхоз аиахэишьа* – светлящаяся сестра [4, №649](№); *шыыбжьон Нашбатақэа, дыцэаны данааиш, мрашэа акы иықэччот, арахэ уыңшыр, амра қхазом. Дыңшызар, Кэбина-нырицэ нартэа ран Сатани-Гэашья, мрада дкаңхо, мзада дкаччо,*

дшаваз ибеит – в полдень Нашбатакуа, когда проснулся, как солнце, что-то светит на него, а сюда посмотришь – солнце не светит. Когда взглянул, на том берегу Кубины Сатаней-Гуаща, без солнца света, без луны сияя, прохаживалась она [4, №31]; *адунеи, илашет (!), иыңишз[ах]ет (!), азы тылашааит (!), акэара лашет (!), арыи лцаа хтны ианаба, ажэван лашет (!)* – в мире стало светло, красиво, река засияла, берег засиял, ее наготу увидев, небо засияло [4, №170].

Символизирующий эпитет *светлый (алаша)* в абхазском эпосе сочетается с женскими именами, в отличие, например, от русских былин, где он характеризует и мужские образы. См., например, обозначения Владимира в былинах: «*светлыйкнязь Владимир*», «*свет-государь наш Владимир-князь*» и т. д. [9, 41–50].

В эпическом повествовании так же, как и эпитет *белый (ашкэакэа)*, другие цветные определительные сочетания могут быть метафорическими. В таких случаях они акцентируют внимание не столько на реальных свойствах эпических адресатов, сколько на символизируемых ими признаках. Ср.: *ажэван лашарбага* – небо светлое [4, №241], *абна еиқэара* – лес темный [4, №257], *азыжь тылашыца* – заводь мрачная [4, №715], *анакэ еиқэййэа* – туман черный [4, №200]. Подобное восприятие цвета наблюдается и в фольклоре якутов, в котором «определения *белый* и *черный* соотносимы с понятиями *свет* и *тьма* и, возможно, связаны с очень древними <...> представлениями тюркоязычных и монголоязычных народов» [10, 68].

По художественной семантике к эпитету *светлый (алаша)* весьма близок эпитет *красивый (аңиша)*, который очень устойчив в сочетании с именем единственной сестры нартов Гунды: *Гын-да-ңиша* – Гунда-красавица [4, №45]. В этой и иных конструкциях постоянный эпитет *красивый (аңиша)* с именем Гунды встречается в собрании текстов абхазского нартовского эпоса в восьми томах около

300 раз. Лишь изредка эпитет *красивый (аңиша)* применяется с другими женскими образами эпоса и образом Сасыркуа: *Гэашыа-ңиша* – Гуаща-красавица [4, №39], *Зылха-ңиша* – Зылха-красавица [4, №495], *Ханифа-ңиша* – Ханифа-красавица [4, №236], *Сасыркэа-ңиша* – Сасыркуа-красавец [4, №267], *ачкэын ңиша* – юноша красавец [4, №267].

Также эпитет *красивый (аңиша)* может подчеркивать красоту ряда объектов эпического ландшафта. Ср.: *ахахэ ңиша* – камень красивый [4, №557], *дгыыл ңишак* – земля красивая [4, №265], *дэы ңишак* – поле красивое [4, №448], *хэы ңишак* – холм красивый [4, №300], *ахэада ңиша* – горка красивая [4, №888], *атың ңиша* – место красивое [4, №257].

С эпитетом *красивый (аңиша)* сходно или близко по значению определение *прекрасный (ассиыр)*, встречающееся в сочетании с персонажами: *аңхэыс ссиыр* – женщина прекрасная [4, №283], *асаби ссиыр* – младенец прекрасный [4, №310], *хэчы ссиырк* – ребенок прекрасный [4, №280], *адауцаа рахэшыа ссиыр* – великанов сестра прекрасная [4, №282].

«Описательные» эпитеты

С точки зрения лингвистики «описательные» эпитеты – это атрибутивная группа, состоящая «из двух и более знаменательных слов, объединенных общностью синтаксической функции» [11, 118]. Посредством этих развернутых эпитетов выражается основная суть отдельного описания, мотива, эпизода, сюжета или даже целого круга сюжетов. В определительный ряд могут входить различные эпитеты к эпическим именам, вследствие чего атрибутивная группа слов еще больше развертывается и удваивается. Она предстает как уточняющий атрибутивный ряд в виде приложения (*нартаа рыжэхьча Зартыжэ* – нартов пастух коров Зартыжэ [4, №88], *еицахара зкэымыз Бзоу* – не отстающий

никогда Бзоу [4, №424], представляет собою причастную конструкцию (*Гэында-ңица дхэаны дзытэаз Хэажэарңыс* – Гунду-красавицу просватавший Хуажарпыс [4, №285], *бнацэ тэыѡала иыкайцаз агаашэ* – из оленьих рогов сделанные ворота [4, №578]. В эпическом повествовании определительный атрибутивный ряд стоит обычно перед определяемым понятием, реже – после определяемого слова (*нартаа ргэашиэ* – *бнацэ тэыѡала икайѡу* – нартов ворота – из оленьих рогов сделанные [4, №578].

Основная художественная функция данной атрибутивной группы слов – определение различных признаков, своеобразия персонажей или других эпических координат. Такие эпитеты характеризуют основные свойства, саму суть характера эпического персонажа, что свидетельствует о художественной весомости рассматриваемых поэтических сочетаний, предстающих как профилирующие элементы эпического стиля.

«Описательные» эпитеты могут встречаться в виде эпитетов-обращений, особенно распространенных и устойчивых в адыгской версии нартского эпоса, в которой «традиционные формулы и эпитеты тесно взаимосвязаны» [12, 175]:

*Саусэрыкѡу сикѡан,
Саусэрыкѡу синэф,
ПчымэГуфыр зиашѡу,
Ашѡор зиджэнэкокI,
ЕкIанцIэр зипэIошыгу,
Ешыгуаор зичат,
О зичэтэ Iапшѡэр
Лгэптиц тикѡаным кѡефыз.*

Саусарук, мой кан,
Саусарук, мой свет,
Чья бранья-пика и светлый щит,
Чья рубаха-кольчуга.
Верх чей шлема – из ольхи.
Чей меч сам взлетает [для удара],
Чьего меча рукоять
Держит наш покровитель Тлепш
[13, 66, 215].

Такие примеры свидетельствуют о близостиизобразительных средств, в частности, эпитетов-определений в эпосе родственных абхазо-адыгских народов, которые восходят к далеким эпохам их языкового единства.

Функционально «описательные» эпитеты «конкретизируют» атрибуты ряда эпических персонажей и объектов.

Эпические герои: *нартаа ран Гэашиэ* – нартов мать Гуаща [4, №23], *ашиана змас аңхэыс* – волшебством обладающая женщина [4, №52], *нартаа ран зѡахэатэы калуаз* – нартов мать, слово которой осуществлялось [4, №158]; *ахы иазнымкылоз Сасрыкэа* – пулей не остановимый Сасрыкуа [4, №360], *шѡык ирыңсаз, нартк еиңшымыз Сасрыкэа* – ста человек достойный, ни на одного нарта не похожий Сасрыкуа [4, №35], *ѡа змамыз атыша итаҳаз Сасрыкэа* – в бездонную пропасть упавший Сасрыкуа [4, №272], *ахахэ иалхыу ауаѡы* – из камня сделанный человек [4, №23], *нырицэ-аарицэла ииыз сычкэын* – тем и этим берегами родившийся мой сын [4, №263]; *нартаа рыхьча Зартыжэ* – нартов пастух Зартыж [4, №34], *Гьагэа рѡыхьча Ерчхьоу* – Гяговых табунщик Ерчхьоу [4, №5], *нартаа рыжэхьча анхаѡ лыг иңа Селыкэ* – нартовых коров пастух, крестьянина глупого сын Селыку [4, №328], *нырицэ иаваз нартаа рыжэхьча* – на том берегу прохаживавшийся нартов пастух коров [4, №224]; *нартаа ржыи Аинар* – нартов кузнец Аинар [4, №88], *абѡа кэцѡоз ажыи* – медных дел кузнец [4, №50]; *нартаа рахэшыэ Гэында* – нартов сестра Гунда [4, №146], *шѡык ашыцэа рахэшыэ-зайѡ* – ста братьев сестра единственная [4, №680], *башиѡыла иыраазоз рахэшыэ* – костными мозгами которую кормили сестра [4, №683]; *аңан рытңа Зыуха* – карликов дочь Зуха [4, №505]; *нартаа рыхьча Кьатауан* – нартов пастух Кятауан [4, №693]; *нартаа раб Хнышь* – нартов отец Хныщ [4, №371]; *башиа-мақар Гэытсакьа* – пустогнез Гутсака [4, №262]; *Шьашэ-рахкэажэ Цьамгэыгэын*

– Шашвов госпожа Джамгугун [4, №620]; *Аиргъаа ртыңа Ханиа* – Аиргов дочь Ханиа [4, №780]; *афырхайа қыиа, ахъча Хэажарғыс* – небесный герой добрый, пастух Хуажарпыс [4, №634], *мратышаа-ратыи Хэажарғыс* – западный Хуажарпыс [4, №602]; *айан-ңа Зылха лңа Цэыцэ* – карликов дочери Зылхи сын Цвицв [4, №494]; *хъымзэ зымгауыз аишыцаа* – не опозорившиеся никогда братья [4, №344]; *аҳаа зыканыу ауафы* – саблю носящий человек [4, №278], *зхэатэы калоз нартаа* – слово которых осуществлялось – нарты [4, №51].

Противники эпических героев: *арбағы аиыка зхагылаз цынышк* – с петушиным гребнем дьявол [4, №243], *аишын-хыйтэыи Дауаңишь* – северокавказский великан рыжий [4, №323], *быжь-хык зхагылоу адауы* – семиголовый великан [4, №239], *амшын-нырицэ иынхо Ателегэыз* – за морем живущий Ателегудз [4, №768], *ауаа ақызххыоу адауцаа* – людей истребившие великаны [4, №757].

Эпический ландшафт: *Хаидыхэ лишья ахыкэшыз адгыыл* – Хаидыху кровь на которой пролилась земля [4, №710], *йа змамыз атыша* – бездонная пропасть [4, №169].

Эпическая фауна: *ацэ иакароу аб* – с быка величиной тур [4, №490], *бзыиа иыибоз, еснагы фызас иымаз ираишь* – которого любил, всегда оставался другом его арац [4, №360].

Эпический предметный мир: *жэынты еихагылоу ахан* – девятиэтажный дворец [4, №376], *ацэ-шэки зкуаз акэыцхажэқэа* – быков сто вмещавшие плетеные корзины старые [4, №262], *мхыртэак итыңыыз ақэны* – из целой нивы собранный лен [4, №7], *йлак иакараз аиха* – с целое дерево величиной железо [4, №165], *маза мчык змоу гарак* – таинственной силой обладающая колыбель [4, №93], *иаҳа иылашауаз иайдак* – наиболее светящаяся звезда [4, №190], *амца зкз айла* – горящее дерево [4, №39], *уаа-шэвык зтачо ақэабқэа* – человек сто в которых кормились котлы [4,

№122], *нартаа аишэвык рхэы зтыңуаз ачуан* – нартов сто доли вмещавший котел [4, №180], *шэ-уасак ирықэйыз аласа* – из ста баранов собранная шерсть [4, №30], *адауы дызкэыришан иыказ амца* – великаном окольцованный костер [4, №145], *шэбака ңыут иаиуаз кэышк* – до двух пудов весившая искра [4, №136], *нартаа шэвык зықэтэоз асқам* – нартов сто на которую садились скамья [4, №589], *доухала иыкайаз аҳаа* – со сверхъестественным началом выкованная сабля [4, №518], *ңишьыншажэыи зежэвык рраишьқэа ахэархэоз аехырңарт* – девяносто девять [братьев-нартов] своих арацей на что привязывали коновязь [4, №596], *уаф игэдымзало игылаз аишэ* – невозможного обхвата стоящий бук [4, №154], *фы згымхазоз ҳаңишьак* – вино в которой не уменьшается – амфора [4, №490].

Эпические понятия: *лиэа иадыз асахъа* – к ее телу приложенный образ [4, №88], *шэки ирыңсоу «сыхъа»* – ста [«стрел»] достойна «моя стрела» [4, №35].

Перечень контрольных примеров демонстрирует, что развернутые эпитеты-определения чаще всего употребляются в сочетании с именами эпических героев и названиями предметного мира. Они встречаются с высокой частотностью и построены по преимуществу на основе или в контексте гиперболы и сравнения. В этой связи показательно, что и в адыгской версии эпоса «эпитеты – устойчивые индивидуальные определения весьма многочисленны и разнообразны» [14, 336] и, «как правило, основаны на гиперболе» [15, 23].

Одна из своеобразных черт «описательных» эпитетов-определений – их художественная конкретность. Для примера сравним два определения нартского котла: *ақэаб дыу* – котел большой [4, №131] и *шэ-уедрак зкуаз ақэаб* – сто ведер вмещавший котел [4, №490]. В первом примере выражается неопределенная, абстрактная величина котла, а в последнем подчеркивается конкретный размер эпи-

ческого предмета. Здесь легко заметить, что очень много места занимают эпитеты, выражающие большой размер самых разных эпических понятий посредством эпитета *большой* (*адыу*) и близких к нему словосочетаний (см. выше).

Удвоенные эпитеты

Следующий вид художественной определительности в абхазском нартском эпосе – удвоение эпитетов путем обозначения сразу двух свойств или признаков эпического адресата, то есть происходит удвоение охарактеризованных выше простых и «описательных» эпитетов. Определяемый предмет изображается как с реально-конкретной, так и с абстрактной, обобщающей стороны – два эпитета, сочетающиеся по-разному, определяют различные аспекты одного адресата. Например: встречаются отдельно определения *аггаишэ дыу* – ворота большие [4, №584] и *аихатэ ггаишэ* – железные ворота [4, №278], но при их сочетании получаем: *аихатэ ггаишэ дыу* – железные ворота большие [4, №588]; встречаются отдельно – *амиш цэгьа* – день страшный [4, №17] и *амиш бааџс* – день ужасный [4, №20], а при их сочетании – *амиш цэгьа-бааџс* – день страшно-ужасный [4, №13]; встречаются отдельно – *џнык иаџараз ахаџэ* – с дом величиной камень [4, №128] и *ахаџэ дыу* – камень большой [4, №328], а при их сочетании – *џнык иаџараз ахаџэ дыу* – с дом величиной камень большой [4, №200]. В таких определительных сочетаниях один эпитет носит обобщающий, собирательный характер, а другой – конкретный. Причем, когда оба определения идут в одном ряду после определяемого слова, последний эпитет непременно усиливает смысл первого⁶. Это один из эпитетов, указывающих на размер субъектов и объектов эпического мира, или один из оценочных эпитетов; он служит организующим компонентом художественно-определятельного сочетания.

По составу и характеру сочетаемости удвоенные эпитеты разнообразны. В одном случае – определительное сочетание образуется двумя простыми эпитетами, самостоятельно связанными с эпическим адресатом: *хаџэ лауы дыук* – каменный жернов большой [4, №103], *аихатэ ггаишэ дыу* – железные ворота большие [4, №588]. При этом первый эпитет (*каменный* – *ахаџэ*, *железный* – *аихатэ*) называет реальное свойство предмета (образуется относительным прилагательным), указывает материал, из которого этот предмет сделан, его постоянное место в словосочетании – перед определяемым словом. Второй эпитет (*большой* – *адыу*), содержащий оценку эпического предмета, имеет более абстрактный, собирательный характер (как правило, выражен качественным прилагательным) и неизменно стоит после определяемого слова. В другом случае – в определительном ряду один из эпитетов характеризует или усиливает значение другого, непосредственно связанного с эпическим адресатом; «поэтические определения как бы наслаиваются одно на другое» [16, 12]. Эпитет, определяющий наиболее характерный признак предмета, занимает в определительном сочетании ближайшее к определяемому предмету место. Следующий эпитет, связанный с первым, в определительном сочетании следует за основным эпитетом: *лауы гыжь-дыук* – жернов кругло-большой [4, №103], *џны тбаа-дыук* – дом широко-большой [4, №440]. В третьем случае – основной (уточняющий) эпитет заменяется атрибутивной группой слов, конкретно выражающей «реальные качества» эпического адресата: *нартџаа раџишьа-зайџэ Гэын-да-џишза* – нартов сестра единственная Гунда-красавица [4, №285], *џнык иаџараз хаџэ дыук* – с дом величиной камень большой [4, №200].

Обратимся к примерам.

Эпические герои: *нартџаа ран Саџанеи-Гэаишьа* – нартов мать Сатаней-Гуаца

[4, №31], *ахьышьбаргэыца Сатаней-Гэашьа* – с золотой ступней Сатаней-Гуаца [4, №74], *Сатаней-Гэашьа – зхэатэы калоз* – Сатаней-Гуаца – слово которой осуществлялось [4, №170], *нартаа ран Гэашьа-ншза* – нартов мать Гуаца-красавица [4, №38], *мрада-мзада икачца-капхоз Сатане-Гэашьа* – без солнца и луны светящая и сияющая Сатане-Гуаца [4, №35], *доуха змаз Сатаниа-Гэашьа* – сверхъестественным началом наделенная Сатаниа-Гуаца [4, №285], *ахьы-ншца Гэашьа-ншза Сатаниа-Гэашьа* – золотая владычица Гуаца-красавица Сатаниа-Гуаца [4, №40]; *Сасрыкэа – ацакьа иалиааз агэымишэа* – Сасрыкуа – из утеса выросший безбоязненный [4, №90], *ачкэын-фырхайа Нарт Сасрыкэа* – юноша – небесный герой Нарт Сасрыкуа [4, №92]; *нартаа рахэшьа-зайэ Гэында-ншза* – нартов сестра единственная Гунда-красавица [4, №285], *нартаа рахэшьа ншза Гэында* – нартов сестра красавица Гунда [4, №586], *Нарты-ншца Гэында-ншза* – нартов дочь Гунда-красавица [4, №634], *нартаа рахэшьа-зайэ Гэында-шеишеи* – нартов сестра единственная Гунда-сияющая [4, №4]; *нартаа рыхьча Зартыжэ-мыжда* – нартов пастух Зартыж дерзкий [4, №3], *ауаф еикэа-дыу* – человек смугло-большой [4, №732]; *Нацхьоу-хайа-мыжда* – Наджхьоу-герой дерзкий [4, №844], *Нарт Начхьоу – ацырпайа зэаз* – Нарт Начхьоу со стальными усами [4, №797]; *атахмада хынчыгэыгэ-хэычык* – старик махонько-маленький [4, №257], *уаф кьафэ-хэычык* – человек низко-маленький [4, №490], *Нарт Башныхэ гэыраз* – Нарт Башныху добродушный [4, №257].

Противники эпических героев: *жаафа-хы змаз агэылышэап дыу* – двенадцатоголовый дракон большой [4, №365], *уаф ышымбац нхэыс дыук* – человеком невиданная женщина большая [4, №324](№), *нхэыс-омага-дыуззак* – женщина страшно огромная [4, №257].

Эпический ландшафт: *шьха цэхэы-ра-бааңсык* – гора пустынно-ужасная [4,

№200], *сакара-шьха дыук* – степная гора большая [4, №328], *иреицау шьха дыук* – больше других [гор] гора большая [4, №881], *арха еиуыжь-дыу* – долина обширно-большая [4, №331], *йа змамыз тыша дыук* – бездонная пропасть большая [4, №263], *азыжь йамйам-дыу* – заводь глубоко-большая [4, №73], *ажэван иайасау йла дыуззак* – до небес достигающее дерево огромное [4, №257], *аишэ кьантаз-дыу* – бук оголенно-большой [4, №130], *фааф цэгьа-бааңсык* – предгорье страшно-ужасное [4, №151].

Эпическая фауна: *аишьа матэнишь* – горная змея рыжая [4, №278], *мишэы хэдыи-дыук* – медведь белошей большой [4, №306], *мат еикэайэа-дыук* – змея черно-большая [4, №293].

Эпический предметный мир: *ацэ-шэкии ат-шэкии зтаржэыз абфатэы қаб* – быков сто и баранов сто в котором сварили медный котел [4, №578], *аихатэы рымз* – *нартаа аишэык зыкэтэоз* – железная скамья – нартов сто на которой сиделись [4, №647], *зда камлац афырхы иалхыу ахэа цыишэ* – из небывалого метеорита выкованная сабля острая [4, №56], *хахэ шкэакэа-дыук* – камень бело-большой [4, №93], *уаа-шэык ирзыишьтымхуа хахэ дыук* – человек сто который не могут поднять камень большой [4, №138], *фнык иакароу ахахэ цакьа* – с дом величиной каменный утес [4, №182], *раишэа тбаа-дыу* – их двор широко-большой [4, №528], *нартаа рхан тэагылаз раишэа дыу* – с нартским дворцом их двор большой [4, №590], *цак иакараз гэаблаа дыук* – с курузный амбар величиной миска большая [4, №331], *жэа-цэк зкуаз асаара дыу* – десять быков вмещающая миска большая [4, №175], *аихатэы сқам дыу* – железная скамья большая [4, №294], *ншыынфажэыи зежэык зыкэтэоз аихатэ арымз* – девяносто девять [братьев-нартов] на которую сиделись железная скамья [4, №597], *нартаа ргэаишэ еиэачаңа-дыу* – нартов ворота ковано-большие [4, №668], *ахахэ цакьа дыу* – каменный утес большой [4,

№69], *уаа-шэвык ирзышьтымхуа хаҳэ дыук* – человек сто который не могут поднять камень большой [4, №138], *нартаа рбаатэы ын дыу* – нартов каменный дом большой [4, №74], *уаө иымбац еишэа дыук* – человеком невиданный стол большой [4, №327], *агэашэ дыузза* – адауы *изышьтымхуаз* – ворота огромные, которые великан не мог поднять [4, №592].

Эпические понятия: *амиш цэгьа-бааңс* – день страшно-ужасный [4, №18], *зеиңиш камлац амиш цэгьа* – небывалый день страшный [4, №129].

Как выяснилось, удвоенные эпитеты наиболее часто характеризуют имена эпических персонажей, названия эпических предметов и объектов эпического пространства. При этом они весьма устойчивы в описании большого размера разных сфер эпического мира с помощью эпитета *большой* (*адыу*) и близких к нему слов и словосочетаний (см. выше).

Примечательно, что в поэтической лексике абхазского нартского эпоса, наряду с удвоенными, редко, но встречаются и утроенные эпитеты, как, например: *лышэтэ дард-мгэылығ-дыу* – ее буквое веретено брюхато-большое [4, №3], *қытақ ирызмышысуаз ацакьа-хаҳэ дыу* – [жители] целой деревни не способны сдвинуть с места утесов камень большой [4, №158].

Постоянные эпитеты

Значительное число эпитетов в нартских сказаниях абхазов, неоднократно повторяясь в разных текстах, сохраняет при этом устойчивый характер. С разной степенью варьирования один и тот же эпитет появляется как в различных, так и в одних и тех же сказаниях, и их вариантах. Вместе с тем в эпическом повествовании эпитеты не могут иметь абсолютного, безусловного постоянства. Таким признаком отличаются исключительно те собственные имена и понятия, которые встречаются с «индивидуальными» определяемыми словами, входя-

щими в их состав. Как, например: имя *Хэажэартыс* [4, №45], состоящее из двух компонентов: *хэажэы* – рододендрон, *артыс* – молодец, букв. «рододендроновый юноша»; *ахышьваргэыца* [4, №74]: *ахы* – золото, *ашьваргэыца* – ступня, букв. «с золотой ступней»; *адауаңшь* [4, №322]: *адауы* – великан, *аңшь* – рыжий, букв. «великан рыжий»; *адаумыжьха / адау-быжьха* [4, №324; 3, 153]: *адауы* – великан, *мыжьха / быжьха* – семиголовый, букв. «великан семиголовый»; *аматаңшь* [4, №182]: *амат* – змея, *аңшь* – рыжий, букв. «змея рыжая»; *абааш* [4, №649]: *абаа* – крепость, *аш* – белый, букв. «крепость белая»; *ахаҳэыш* [4, №621]: *ахаҳэ* – камень, *аш* – белый, букв. «камень белый»; *аҳаңшыа*: *аҳа* – камень, *ңшыа* – рыжий (либо священный), букв. «камень рыжий» (или «камень священный») [4, №102]; *аеыхэа* (№ 385): *аеы* – конь, *ахэа* – бело-серый, букв. «конь бело-серый»⁷ и т. п. Аналогичные примеры «воспринимаются не как устойчивые сочетания слов, а как композиты (сложные, составные слова)» [3, 156]. Говоря словами А.А. Потемни, «эпитет срастается с определяемым» [17, 167]. По одной гипотезе, имя центрального героя нартского эпоса *Сасрыкуа* означает «сын камня»: *саср* – камень, *куа* – сын, букв. «каменя сын», «каменный сын» или «из камня сын» [3, 97–112], что также объяснимо слиянием двух компонентов (определения и определяемого) в одном имени. По-видимому, с каменной природой *Сасрыкуа* связаны и описательные эпитеты, встречающиеся как бы в виде «расшифровки» таинственной семантики древнейшего имени: *ахаҳэ иалхыу ауаөы* – из камня сделанный человек [4, №225], *Сасрыкэа* – *ацакьа иалиааз агэымишэа* – *Сасрыкуа* – из утеса выросший безбоязненный [4, №90].

В других именах с постоянным эпитетом степень слитности несколько иная. Ср., в частности: *Нарт Сасрыкэа* – *Нарт Сасрыкуа* [4, №116], *Сатанеи-Гэашыа* – *Сатаней-Гуаца* [4, №29], *Гэында-ңица* –

Гунда-красавица [4, №66], *Аинар-жьыи* – Аинар-кузнец [4, №22], *Нарцъхьоу ацырцъа* – Нарджхьоу со стальными усами [4, №412], *Бжаџа-Бжаза* – Полувысохший-Полусырой [4, №172], *Бжеикъа-Бжашла* – Получерный-Полуседой [4, №490]. В таких случаях эпитеты постоянно сопровождают или заменяют имена эпических героев, можно сказать, прилагательные превращаются в существительные, «бывшие эпитеты превратились в составные имена героев (или, вернее, в их прозвища)» [3, 161].

Следует еще раз отметить, что наиболее часто к имени матери нартов Сатаней в абхазо-адыгской версии эпоса прикрепляется эпитет *гуацца* (*гэашья*). Сейчас нет необходимости по-новому характеризовать или этимологизировать этот эпитет в связи с тем, что исследователи-нартоведы, писавшие о языке эпоса [18, 277; 15, 22–23; 19, 69–72; 3, 157], так или иначе касались этого вопроса. Несомненно одно: в абхазском эпосе, как и в адыгском, *гуацца* – эпитет, характеризующий исключительно *Сатаней*. Тем более что он, «сливаясь с определяемым словом “Сатаней” в одно целое, как бы теряет в известной мере свое первоначальное значение и становится частью собственного имени» [3, 157] или же встречается отдельно в значении собственного имени (*нартаа ран Гэашья* – *нартов мать Гуацца* [4, №39], иногда и с эпитетом (*Гэашья-лаша* – *Гуацца светлая* [4, №73]. С именем Сатаней-Гуацци также постоянно употребляются различные «описательные» определения и удвоенные эпитеты (см. выше), в которых также сказители подчеркивают ее материнское покровительство героям эпоса, магическую силу ее слов, всемогущество и, конечно же, необычайную красоту.

Снова обратимся к эпитету *нарт* (*нарт*). Именно он чаще других сопровождает имена эпических богатырей. При этом чаще, чем с именами других богатырей, он фигурирует в сочетании с

именем центрального героя абхазского и адыгского нартского эпоса – Сасрыкуа / Сосруко (см. выше). Постоянный эпитет *нарт* (*нарт*) иногда заменяется эпитетом *герой*, *небесный герой* (*ахайца*, *афырхайца*), и, хотя в эпическом контексте оба определения адекватны по смыслу, такая замена происходит не так уж и часто.

По мнению А.А. Аншбы, «если герой назван “нартом”, то становятся лишними другие эпитеты» [19, 69]. Дополняя эту мысль, Ш.Х. Салакая пишет: «Отсутствие интересующих нас терминов (*герой*, *небесный герой*. – З. Д.) в качестве постоянных эпитетов в нартском эпосе следует объяснить, на наш взгляд, характером самого нартского общества. В представлении создателей эпоса нарты в целом – это героическое племя, и достаточно к имени отдельного представителя данного племени присоединить термин “нарт”, как это уже само собой означает “герой» [3, 159]. Однако не следует отрицать факта наличия эпитета *герой* (*ахайца*) в нартских текстах (мы, естественно, учитываем и проявления в более поздних слоях нартского эпоса героико-исторических песен и сказаний абхазов, где употребление эпитета *герой* (*ахайца*) более постоянно). В эпических текстах данное определение употребляется не только и не столько в сочетании с собственными именами в качестве постоянного эпитета; оно нередко сочетается и с другими определениями: *нартаа-хацза* – нарты-герои [4, №285], *аеьуаџ-хайца* – всадник-герой [4, №247], *аръыс-хайца* – молодец-герой [4, №355].

Так, сказители для выражения своего отношения к богатырю и его подвигам вместе с рядом эмоциональных слов пользуются эпитетом *герой* (*ахайца*) и в оценочном значении. Из этого следует, что наличие термина *нарт* (*нарт*) в качестве постоянного эпитета применительно к собственным именам не противоречит не столь частому употреблению эпитета *герой* (*ахайца*) в сочетании с различными эпическими понятиями. Тем более, что в

ряде сказаний слово *герой* (*ахайа*) в качестве постоянного эпитета сочетается с именем Нарчхьоу⁸. Кроме того, слово *ахайа* (*герой, мужчина*)⁹ – одно из часто употребляемых понятий в лексике абхазских нартских сказаний, и в большинстве случаев оно выступает в качестве определяемого понятия в сочетании с близкими по значению эпитетами: *сильный* – *агэгэа* (*ахайа бэбэа* – герой сильный [4, №581]; *ужасный* – *абааҭс* (*ахайа бааҭс* – герой ужасный [4, №33]; *страшный* – *ацэгьа* (*ахайа цэгьа* – герой страшный [4, №535]; *хороший* – *абзьиа* (*ахайа бзьиа* – герой хороший [4, №585]).

При этом – и в аналогичных случаях – слово *герой* – *ахайа* (или *мужчина* – *ахайа*) употребляется в функции не определяющего, а определяемого понятия, и тогда само определительное сочетание представляет собою единое целое. В эпическом контексте оно становится определяющим или, точнее, одним из компонентов определяющей конструкции. Имеется в виду момент, когда повествователь в начале рассказа или в описании событий дает описательную / оценочную характеристику эпического персонажа. См., например, инициальную часть сказания «Как Сасрыкуа убил дракона»: «Икан нарҭаа хәа шәҭык аишьцәа. <...> Даара ихацәа бэбэақәан». – «Было сто братьев-нартов. <...> Очень сильными героями были» [20, 78].

Здесь определяемым компонентом является первое предложение, а определяющим – второе. Если из этой фразы мы возьмем только смысловое ядро, то получим: «*нарты* – *сильные герои*», то есть остается определяемое понятие (*нарты*) и определяющее сочетание (*сильные герои*).

Следовательно, наряду с постоянным эпитетом *нарт* (*нарҭ*) в эпосе довольно часто употребляются слова *герой, мужчина* (*ахайа*). Разница в том, что если первый сочетается с именем собственным как постоянный эпитет, то второй

в одном случае выполняет в эпической лексике функцию эпитета, а в другом – определяемого понятия с близкими ему по значению эпитетами, но по контексту входящего в описательное определение персонажей.

Как следует из вышеизложенного, характерной особенностью эпитетов абхазского нартского эпоса является накопление близких по значению слов вокруг нескольких основных качеств, группирующихся в так называемые семантические гнезда. Так, в поэтическом словаре абхазского нартского эпоса по частоте и интенсивности употребления особо выделяются три основных эпитета: *большой* (*адыу*), *ужасный* (*абааҭс*), *страшный* (*ацэгьа*). Эти определения являются ключевыми, обладают высокой повторяемостью и устойчивостью, выстраивают пучки слов (эпитетов), близких к ним по значению в пределах эпоса. Говоря словами Веселовского, происходит «накопление эпитетов однозначных или близких по значению» [1, 520].

Следует отметить, что понятия (эпические субъекты и объекты), которые сопровождают эти эпитеты, являются самыми основными, необходимыми качествами эпического фона. Они составляют наибольшую частотность в поэтической лексике нартского эпоса и относятся как к персонажам, так и к ландшафту, фауне и другим координатам эпического мироздания.

Первостепенным свойством эпитетов абхазского нартского эпоса, характеризующих гигантский облик, мощь, пространственную масштабность образов, событий и всего эпического, является выразительно-оценочный пафос, из чего следует сказать: нартский эпитет – не что иное, как средство гиперболизированного художественного мышления. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о гиперболической основе не только эпитетов, но и всей поэтико-стилевой системы абхазского нартского

эпоса, о высокой степени связанности эпитета с эпическим контекстом, внутренней соподчиненности в поэтическом тексте. Полагаю, что эпитеты абхазского нартского эпоса подтверждают суждения А.Н. Веселовского и В.М. Гацака, согласно которым: «история эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании» [1, 509]; «эпитет в песне – не только средство оценки, но и выделения, и предстает он в связях, пронизывающих весь текст, изучение его обязательно ведет к освещению существа поэтической системы песни, ее отношения к действительности на различных этапах» [10, 105].

Примечания:

1. Как пишет С.Л. Невелева (на примере эпитетов древнеиндийского эпоса), «когда речь идет о поэтическом творчестве, нашедшем отражение в отшлифованном веками эпосе, очевидно, каждое прилагательное можно рассматривать как эпитет» [2, 9].

2. *Арац* – богатырский конь.

3. Примечательно, что «несмотря на свой рост, ацаны были упитанным народом, имели широкую грудь и мощные плечи, <...> отличались большой физической силой, а также смелостью и храбростью. Каждый из них, находясь на охоте, мог, например, взвалить на плечи и понести на стоянку любую убитую им дичь – тура, серну, зубра и пр.» [6, 156].

4. *Щашвы* – божество кузни у абхазов.

5. Кстати сказать, и в адыгском нартском эпосе эпитет *белый* относится «к числу наиболее широко и постоянно применяемых эпитетов» [7, 138].

6. На материале монголоязычного и тюркоязычного эпоса подобную поэтическую конструкцию раскрывает А.В. Кудияров [16, 12–25].

7. Здесь и в других случаях при определении масти коней определяемое слово и цветовой эпитет зачастую сливаются.

8. Подробно об этом см.: [19, 60, 69; 3, 160].

9. Слово *ахайа* в качестве эпитета переводится как *герой* и стоит после определяемого слова (*Нарцъхьоу-хайа* – Нарджхьоу-герой). Когда же оно выступает вместо определяемого понятия, то чаще переводится как *мужчина* и занимает первое место в определительном сочетании (*ахайа бзыша* – мужчина хороший).

---

1. Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. М., 2006.

2. Невелева С.Л. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса: Эпитет и сравнение. М., 1979.

3. Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси, 1976.

4. Нарты: Абхазский героический эпос в восьми томах / Сост. и ред. З.Д. Джапуа. Рукопись. (на абхаз. яз.).

5. Неклюдов С.Ю. Поэтика эпического повествования: Пространство и время. М., 2015.

6. Инал-ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора: Нарты. Ацаны (Сборник статей и материалов). Сухуми, 1977.

7. Алиева А.И. Адыгский нартский эпос. Москва; Нальчик, 1969.

8. Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.

9. Гацак В.М. Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. М., 1989.

10. Алиева А.И., Астафьева Л.А., Гацак В.М. (руководитель работы), Кирдан Б.П., Пухов И.В. Опыт системно-аналитического исследования исторической поэтики народных песен // Фольклор: Поэтическая система. М., 1977. С. 42–105.
11. Арстаа Ш.К. Проблемы простого предложения в абхазском языке. Тбилиси, 1982.
12. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора: Нартский эпос. М., 1985.
13. Нарты: Адыгский героический эпос / Сост. А.И. Алиева, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев. М., 1974.
14. Алиева А.И. Поэтика нартского эпоса адыгов // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969. С. 303–350.
15. Алиева А.И. Эпитет в адыгском героическом эпосе // Ученые записки КБНИИ. Серия филологическая. Нальчик, 1967. Т. 24. С. 17–28.
16. Кудияров А.В. Художественно-стилевые закономерности эпоса монголоязычных народов // Фольклор: Образ и поэтическое слово в контексте. М., 1984. С. 10–56.
17. Потенбня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990.
18. Инал-ипа Ш.Д. Абхазский героический эпос // Литературная Абхазия. 1958. № 3. С. 260–278.
19. Аниба А.А. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса. Тбилиси, 1970.
20. Джаруа З.Д. Нартский эпос абхазов: Сюжетно-тематическая и поэтико-стилевая система. Сухум, 1995.

Dzhapua, Zurab D. – Academy of Sciences of Abkhazia (Sukhum, Abkhazia); zjap2016@yandex.ru

EPITHETS IN THE ABKHAZIAN NART EPOS.

Keywords: Abkhazian Nart epos, epithets, identifying combinations, evaluative epithets, color epithets, expanded epithets, permanent epithets.

This article provides a detailed analysis of the entire complex of attributive combinations, the main varieties and characteristic features of epithets in the Abkhazian Nart epos. The work continues, partly attracts, significantly supplements and, on the basis of a total study of a large number of new materials, in many respects finalizes my early investigations in the field of the poetic and stylistic system of Abkhazian Nart legends. The subject of the study is almost 1000 legends with many variants, which will be presented in the academic edition of the texts of the Abkhazian Nart epos in eight volumes (compiled and edited by Z.D. Dzhapua). In order to reveal the most complete picture of the system of attributive combinations in each type of epithets, if possible, the main defined words that accompany this or that epithet are singled out in the following areas: 1) epic heroes; 2) opponents of epic heroes; 3) epic landscape; 4) epic fauna; 5) epic object world; 6) epic concepts. To achieve exceptional accuracy, we translate all Abkhazian examples literally, without changing the construction of the phrase, although to a certain extent this contradicts the norms of the Russian language. It should be noted that depending on which concept the epithets are combined with, translations of the same definition may differ. Here we note that translated examples are not always adequate to the original and cannot convey all of its originality. This is partly why we provide examples both in the original language and translated into Russian. The study found that the main property of the epithets of the Abkhazian Nart epos is an expressive and evaluative moment, a characteristic of the heroic essence of the epic addressee. This feature is so significant that even epithets that name the real qualities of epic objects often acquire a

metaphorical connotation; this is where the hyperbolic basis of the identifying combinations of the Abkhazian Nart epos is manifested.

REFERENCES

1. Veselovsky, A.N. *Izbrannoe: Istoricheskaya poetika* [Selected works: Historical poetics]. Moscow, ROSSPEN, 2006. 687 p.
2. Neveleeva, S.L. *Voprosy poetiki drevneindiiskogo eposa: Epitet i sravnenie* [Questions of the poetics of the ancient Indian epos: Epithet and comparison]. Moscow, Nauka, 1979. 136 p.
3. Salakaya, S.K. *Abkhazskii nartskii epos* [Abkhazian Nart epos]. Tbilisi, Metsniereba, 1976. 235 p.
4. Dzhapua, Z.D. (comp. and ed.) *Narty: Abkhazskii geroicheskii epos v vos'mi tomakh* [Narts: Abkhazian heroic epos in eight vols]. Unpublished. (in Abkhazian)
5. Neklyudov, S.Yu. *Poetika epicheskogo povestvovaniya: Prostranstvo i vremya* [The poetics of epic narrative: space and time]. Moscow, Forum, 2015. 215 p.
6. Inal-ipa, Sh.D. *Pamyatniki abkhazskogo fol'klora: Narty. Atsany (Sbornik statei i materialov)* [Monuments of Abkhazian folklore: Narts. Atsans (Collection of articles and materials)]. Sukhumi, Alashara, 1977. 199 p.
7. Alieva, A.I. *Adygsckii nartskii epos* [Adyg Nart epos]. Moscow; Nalchik, Elbrus, 1969. 168 p.
8. Meletinsky, E.M. *"Edda" i rannie formy eposa* ["Edda" and early forms of the epos]. Moscow, Nauka, 1968. 365 p.
9. Gatsak, V.M. *Ustnaya epicheskaya traditsiya vo vremeni: Istoricheskoe issledovanie poetiki* [Oral epic tradition in time: A historical study of poetics]. Moscow, Nauka, 1989. 256 p.
10. Alieva, A.I., Astafieva, L.A., Gatsak, V.M. (Supervisor of the study), Kirdan, B.P., Pukhov, I.V. *Opyt sistemno-analiticheskogo issledovaniya istoricheskoi poetiki narodnykh pesen* [The experience of a system-analytical study of the historical poetics of folk songs]. *Fol'klor: Poeticheskaya sistema* [Folklore: Poetic system]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 42–105.
11. Arstaa, Sh.K. *Problemy prostogo predlozheniya v abkhazskom yazyke* [Problems of a simple sentence in the Abkhazian language]. Tbilisi, Tbilisi University, 1982. 254 p.
12. Kumakhov, M.A., Kumakhova, Z.Yu. *Yazyk adygsckogo fol'klora: Nartskii epos* [Language of the Adyg folklore: Nart epos]. Moscow, Nasledie, 1985. 311 p.
13. Alieva, A.I., Gadagatl, A.M., Kardangushev, Z.P. (comps) *Narty: Adygsckii geroicheskii epos* [Narts: Adyg heroic epos]. Moscow, Nauka, 1974. 415 p.
14. Alieva, A.I. *Poetika nartskogo eposa adygov* [Poetics of the Nart epos of the Adygs]. *Skazaniya o nartakh – epos narodov Kavkaza* [Legends of the Narts – the epos of the peoples of the Caucasus]. Moscow, Nauka, 1969, pp. 303–350.
15. Alieva, A.I. *Epitet v adygsckom geroicheskom epose* [Epithet in the Adyg heroic epos]. *Uchenie zapiski KBNII. Seriya filologicheskaya* [Proceedings of the Kabardino-Balkarian Research Institute. Philological series]. Nalchik, Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967, vol. 24, pp. 17–28.
16. Kudiyarov, A.V. *Khudozhestvenno-stilevye zakonomernosti eposa mongoloyazychnykh narodov* [Artistic and stylistic patterns of the epos of the Mongol-speaking peoples]. *Fol'klor: Obraz i poeticheskoe slovo v kontekste* [Folklore: Image and poetic word in the context]. Moscow, Nauka, 1984, pp. 10–56.

17. Potebnaya, A.A. *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical poetics]. Moscow, Vysshaya shkola, 1990. 344 p.
18. Inal-ipa, Sh.D. *Abkhazskii geroicheski epos* [Abkhazian heroic epos]. *Literaturnaya Abkhaziya* [Literary Abkhazia]. 1958, no. 3, pp. 260–278.
19. Anshba, A.A. *Voprosy poetiki abkhazskogo nartskogo eposa* [Questions of the poetics of the Abkhazian Nart epos]. Tbilisi, Metsniereba, 1970. 113 p.
20. Dzhapua, Z.D. *Nartskii epos abkhazov: Syuzhetno-tematicheskaya i poetiko-stilevaya sistema* [The Nart epos of the Abkhazians: Subject-thematic and poetical-style system]. Sukhum, Alashara, 1995. 184 p.